

Сюй Сяочжэнь был почти полностью унижен: Гу Янь осматривал его, как вещь, подозреваемую в повреждении. Он сопротивлялся, но тщетно. Только когда Гу Янь удостоверился, что его тело "чисто", его напряжённые плечи немного расслабились.

Он склонился, стал целовать его лицо, зажимал его запястья и шептал имя:

— Сяочжэнь... Сяочжэнь... как же хорошо...

Лицо Сюй Сяочжэня было в слезах. Он отворачивался от поцелуев, сердце обожгла горечь.

Он не понимал. Почему? Почему тот, кто знал его шесть лет, знал, как он предан, мог вот так — с подозрением, с насилием, с презрением?

Разве Гу Янь не знал, что в его сердце — только он?

Но Гу Янь словно был одержим. Уперся лбом в его щёку, жадно искал губы, руки скользили по телу. Сопротивление было бесполезно. Сюй Сяочжэнь не испытывал ни грамма желания. Он замер, без единой реакции.

— Почему ты не хочешь? — голос Гу Яня сорвался. — Ты разлюбил меня? Твоя душа теперь у этого лиса?

Он не называл имени — даже произносить "Шэнь Ле" было для него невыносимо. Он метался: то умолял, то давил. Его поведение больше походило на истерию, чем на страсть.

— Сяочжэнь... пожалуйста... будь со мной...

Он менял интонации — то резко, то нежно, будто бы пьян, но запаха алкоголя почти не было.

— Гу Янь! Ты в своём уме?! — Сюй Сяочжэнь, наконец, сорвался. Он смахнул слёзы, глаза сверкали злостью. — Что за чушь ты несёшь? Я просто НЕ ХОЧУ!

И он понял — что-то не так.

Гу Янь был не просто раздражён. Обычно в гневе он просто закрывался. Ждал, пока его будут умолять, ластиться. Но не вот это. Никогда не вот это.

А тот будто не слышал. Лизал его шею, губами касался старого рубца от удалённой железы. Волосы кололись, было неприятно.

Сюй Сяочжэнь с силой оттолкнул его, дотянулся до телефона на столе, стал искать контакт Чжоу Цзиншуо. Он не знал, что это — болезнь, гормональный срыв или помешательство, но что-то с Гу Янем было не так.

— Успокойся, — бросил он, готовый вызывать помощь.

Гу Янь поднял голову. Белки глаз налились кровью, дыхание было тяжёлым. Он снова схватил Сюй Сяочжэня, вжал его под себя. Горячие ладони скользили по коже на его талии. Он выдохнул с наслаждением, глядя прямо в его лицо:

— У меня начался период гипер чувствительности, Сяочжэнь.

Зрачки Сюй Сяочжэня сузились. Он не сразу понял, что именно в этом нового.

С тех пор как он попал в Первый сектор, даже если сам не был омегой, он много слышал и видел: альфы ежемесячно проходят через этот период. Без пары они используют ингибиторы. Но в состоянии обострения альфа — опасен. Если рядом нет омеги, способной его усмирить, последствия могут быть ужасными.

Он слышал, как однажды бета попытался помочь — и альфа просто забил его насмерть.

Бете лучше держаться подальше от альфы в гипер чувствительный период.

Сюй Сяочжэнь дёрнулся, пытаясь выбраться. Потянулся к телефону, лежащему на полу. Он должен позвать кого-то. Он не омега. Он не может остаться рядом сейчас.

Но Гу Янь, уже полностью обнажённый, не позволил. Он снова притянул Сюй Сяочжэня к себе. Его дыхание было горячим, прерывистым. Он шептал, касаясь губами шрама на шее:

— Почему ты не омега...

Каждое прикосновение обжигало. Сюй Сяочжэнь дрожал от страха. Альфа в таком состоянии — это не человек. Это инстинкт, зверь.

Гу Янь не находил омегу — и его фрустрация росла. Остался только он. И если инстинкт возьмёт верх, удары могут стать смертельными.

Но вместо этого — объятие. Он не ударил. Он прижал его к себе, как мягкую игрушку. Начал целовать, слипаясь от жары, жадно, липко.

Сюй Сяочжэнь не успел выдохнуть с облегчением, как резкая боль пронзила шею. Он зашипел,

в рту пересохло. Он чувствовал, как по коже течёт кровь.

Ногти впились в грудь Гу Яня, оставляя царапины.

Гу Янь, почувствовав его боль, облизал место укуса. Обнял крепче:

— Почему не получается? Почему я не могу тебя отметить? Почему на тебе запах других, а своего — нет? Почему нет железы, Сяочжэнь?.. Почему?

Он поднял взгляд. Его глаза были влажные, смазанные, с безумием и растерянностью.

Альфа в гипер чувствительности — это буря и хрупкость одновременно. Он не понимал, что происходит. Он даже не помнил, что случилось недавно.

И от этого взгляда сердце Сюй Сяочжэня дрогнуло. Он потянулся, чтобы погладить его по голове — хотел что-то сказать... Но не успел...

Гу Янь вцепился в его бедра, врываясь в него так яростно, будто хотел слиться в одно целое. Ни секунды передышки. Он наклонялся, целовал, вгрызался в шею, ища железу. Но её не было.

— Почему не могу тебя пометить?! Где железа, Сяочжэнь?! — в голосе паника и безумие.

— Должен быть вкус винограда... Где он?! Почему нет?!

Сюй Сяочжэнь был на грани. Волосы падали на глаза, тело обмякло, слёзы лились ручьём:

— Её... её нет...

— Нет? Как нет?! Ты лжёшь! Ты мне врёшь! — Гу Янь в исступлении вгрызался в кожу, выискивая то, чего не существовало. Он хотел отметить его.

Сюй Сяочжэнь пытался вырваться, но каждый раз, когда делал попытку, Гу Янь срывался ещё больше:

— Почему ты убегаешь? Ты хочешь уйти? К нему? Ты меня больше не любишь?!

Он задыхался от страха:

— Нет... нет...

Он был жалок. Охрип. Дрожал всем телом. Кожа покрылась следами укусов, где-то кровь. Даже на щеке — тёмный след зубов.

Сюй Сяочжэнь лежал на диване, растрёпанный, изломанный. Обивка потемнела от жидкости, пропиталась потом, слезами, возможно — даже кровью. На теле не было ни одного клочка, не покрытого запахом Гу Яня.

Любой, кто бы увидел это сейчас, остолбенел бы.

Гу Янь был абсолютно доволен. Он смахнул мокрые от пота волосы назад и с восхищением смотрел на происходящее, будто перед ним — шедевр, который затмил все, что он когда-либо видел.

В пике чувствительности альфы в нём разыграло лишь одно: жажда обладания.

Все тело Сюй Сяочжэня было покрыто его укусами, его феромонами, его запахом. Он занял каждую клеточку, оставил на нём свой след. Сюй Сяочжэнь теперь принадлежал ему. Без остатка. Никто больше не сможет его заполнить.

Он наклонился. Сюй Сяочжэнь сжался в ожидании новой волны — но уже даже убежать не мог, сил не осталось, тело не слушалось. Из груди вырвался жалобный всхлип:

— Пожалуйста...

Гу Янь подхватил его на руки, как ребенка — и он обвис у него на груди. Поддерживая его под бёдра, он понёс его на кухню. По пути чмокнул его в распухшие, потрескавшиеся губы:

— Пойдём, напоим женушку водичкой.

От этих слов у Сюй Сяочжэня всё помутнело перед глазами, по коже побежали мурашки. Голова словно ожила от шока. Альфа в период чувствительности — это сумасшествие. Гу Янь никогда не называл его такими приторными прозвищами.

Когда всё это закончится?

На полу остались влажные следы — неясные, разбавленные.

От одной только мысли о воде Сюй Сяочжэнь понял, как мучительно хочется пить. Горло будто горело. Ему уже было всё равно, как именно альфа вливает в него воду — он пил жадно, хватая

жадностью пересохшего тела.

Сквозь приоткрытое окно пробивался свет заходящего солнца. Уже второй вечер.

Похоже, первая волна чувствительности прошла, но Гу Янь всё так же таскал его за собой по дому, будто беспокойная собака — не выпускал из рук.

Сюй Сяочжэнь обмяк у него на руках. Чувствовал себя гигантским брелоком.

Наконец, Гу Янь направился в спальню. Сюй Сяочжэнь уже и не думал о том, что не мылся, что весь липкий. Он рухнул на кровать и уснул. Гу Янь улёгся рядом, обняв его, и, довольный, тоже уснул.

Сколько прошло — непонятно. Сюй Сяочжэнь проснулся от холода. С трудом разлепив веки, он увидел, как Гу Янь что-то разминает и кладёт ему на тело. Липкое. Холодное. Со сладковатым запахом.

Виноград.

Гу Янь разжевал виноград и скормил его Сюй Сяочжэню через поцелуй. Улыбнулся:

— Вкус винограда.

Потом обхватил его руки, уткнулся в шею, вдохнул аромат. Их тела были в липкой виноградной мякоти.

Сюй Сяочжэню было ужасно не по себе, но Гу Янь сиял от счастья.

Он попытался пошевелиться — и понял, что всё болит. Даже пальцы едва слушались. Какое там сопротивляться...

Вторая волна чувствительности началась.

Семь чёртовых дней. Дом в руинах. Семь спален — и ни одной, которую они не использовали. Только в главной спальне он сменил простыни и остался с ним.

Повсюду запах виноградной браги, густо впитавшийся в воздух и смешавшийся с феромонами альфы. Такой крепкий, что даже затуманенный, сломанный омега Сюй Сяочжэнь улавливал металлические ноты — масло типографской краски, его феромоны.

Все эти дни — только питательные капсулы. Гу Янь либо занимался им, либо держал его на

руках. Они не расставались ни на секунду. Их кожа прилипла друг к другу.

Гу Янь всё ещё спал. Сквозь шторы лился золотистый утренний свет, мягко ложился на его черты лица, делая их похожими на лик статуи.

Раньше Сюй Сяочжэнь смотрел на него — и сердце сжималось от нежности.

Теперь он ощущал только страх.

Он задрожал, сполз с кровати, закатился под неё и сжался в комок.

<http://bllate.org/book/14462/1279164>